

УДК 821.161.1

DOI: 10.17223/19986645/71/18

А.А. Шунейко, О.В. Чибисова

СТО ЛЕТ «ЗАБЛУДИВШЕГОСЯ ТРАМВАЯ» Н.С. ГУМИЛЕВА В ОТРАЖЕНИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АНАЛИТИКИ

Сделан обзор наиболее значимых исследований «Заблудившегося трамвая» Н.С. Гумилева. Предлагается представительный свод интерпретаций стихотворения, классифицированных по четырем основаниям. Выявлены интертекстуальные связи данного текста с текстами мировой литературы и самого поэта. Проанализированы составляющие «Заблудившегося трамвая» и их соотношение с реальностью. Установлено, что стихотворение воспринимается как воспроизведение биографических фактов или как отражение эзотерических обобщений.

Ключевые слова: Н.С. Гумилев, поэзия, «Заблудившийся трамвай», обзор, научная литература

В декабре 1919 г. [1. С. 162; 2. С. 144; 3. Т. 4. С. 285], в марте 1920 г. [4. С. 40; 5. С. 20] или весной / летом 1921 г. [6. С. 382; 7. С. 48; 8. С. 50] Н.С. Гумилев написал «Заблудившийся трамвай». За сто лет существования стихотворения в пространстве языка и культуры России и мира ему было посвящено большое количество работ, которые стали самостоятельным направлением филологической мысли. Их непрекращающееся появление продуцируется несколькими факторами: сложностью текста, его дискуссионностью, непосредственной связью с трагической судьбой поэта и степенью его влияния на русскую литературу. Первый обзор этого направления был сделан в комментариях к четвертому тому Полного собрания сочинений Н.С. Гумилева в 2001 г. [3. Т. 4. С. 285–304]. Необходимость нового обзора диктуется значительным увеличением числа научных работ за последние двадцать лет и очевидной потребностью скомпоновать разрозненные наблюдения в единое целое. Авторы отобрали те работы, которые не содержат тривиальных констатаций и повторов ранее сказанного. С помощью семантического анализа все эти работы были рассмотрены на предмет выявления способов интерпретации опорных для текста стихотворения смыслов, понятий и оценок. В результате получился информационный комплекс, который дает полное представление о способах прочтения текста его исследователями. Этот комплекс позволяет воспринимать проведенные изыскания не как сольские партии, а как, пусть и нестройный, но всё же хор, по-иному взглянуть на проблематику, выявить основные точки напряжения и обозначить недостающие звенья в общей цепи интерпретаций.

Во всех исследованиях «Заблудившегося трамвая» реализуются четыре типа существенно различающихся по широте охватываемого материала интерпретаций: текст как целостность, текст как компонент творчества

поэта, текст как компонент литературного процесса, текст как реализация внешних событий. Эти четыре типа в конкретных исследованиях могут быть между собой связаны или нет, предопределять или нет друг друга. Исследователи, как правило, преимущественно обращаются к какому-либо одному типу, попутно затрагивая иные или просто демонстрируя свою приверженность к ним. По этим причинам для ясности картины целесообразно воспроизводить их по отдельности. Это позволяет получить полный перечень того, что именно аналитики исследуют, какие именно выводы и на какой базе они делают в каждом конкретном случае.

Текст как целостность, которая воспринимается без разбиения на компоненты. В данном случае интерпретации осуществляются в границах поэтического текста, базируются на характеристиках, замеченных (выявленных) непосредственно в «Заблудившемся трамвае», и предполагают констатации его определенной структурной или содержательной уникальности относительно той или иной совокупности текстов.

И.В. Одоевцева, повторяя слова Гумилева, называет «Заблудившийся трамвай» магическим стихотворением [6. С. 385]. Это определение задает тематическую область, в которой читатели воспринимают текст как нереалистический.

Вне зависимости от позитивной или негативной оценки «Заблудившегося трамвая» его символическую природу отметили самые первые читатели: Г.П. Струве, И.С. Ежов и Е.И. Шамурин [3. Т. 4. С. 288]. Эту характеристику активно поддерживают современные исследователи [9. С. 179; 10. Т. 60. С. 27; 11. С. 82; 12. С. 101]. В результате указание на символичность стало констатацией, которая мало что объясняет в тексте, если не сопровождается конкретными дешифровками строк. Уточнением этой оценки является позиция П.Е. Спиваковского, который видит в стихотворении символистско-акмеистический синтез [4. С. 39].

Соотношение (совмещение или наложение) в стихотворении реального и ирреального планов отметил Н.А. Оцуп [1. С. 162–163]. Со временем эту характеристику стали либо повторять, либо называть иными словами и подтверждать различными строчками или всей композицией. Е.Ю. Куликова воспринимает «Заблудившийся трамвай» как образец сюрреалистической поэтики [13. С. 130]. Е.В. Федулова и Е.В. Сомова называют «Заблудившийся трамвай» модернистским [14. С. 147]. Р.М. Сафиулина видит в «Заблудившемся трамвае» предвосхищение постмодернистских открытий, в частности таких, как перемещение в пространственных и временных пластах или смещение ноуменального и феноменального смыслов [15. Т. 7. С. 391]. О сновидческом характере у изображаемого сегмента мира говорит Е.Ю. Куликова [13. С. 130].

Звуковую организацию текста рассматривал Л. Аллен, считавший что настоящее действие осуществляется посредством дисгармонической звукописи с усиленной инструментовкой звука *p* [16. С. 114]. А.А. Ильясова установила, что многоточия перед повторами нескольких стихов по своей функции аналогичны репризе в музыкальном произведении [17. Т. 4. С. 374].

Особенности темпоральной организации текста, проявляющиеся в симультанности коллапсирующих и протяженных форм, которая создается специфическим распределением предикатов со значением динамичности и статичности, фиксируют Н.Ю. Зябликова и Н.В. Новикова [18. С. 46]. «Все стихи, отклоняющиеся от заданного стандарта, приобретают свойства ритмического курсива», – делает вывод О.И. Федотов [7. С. 51].

Характеризуя жанровую природу текста, исследователи чаще всего в нем видят балладу [16. С. 145; 4. С. 42; 19. С. 29; 17. Т. 4. С. 372; 7. С. 48; 2. С. 144], но также воспринимают его как реализацию средневекового жанра видения [4. С. 39].

Степень влияния текста на русскую литературу раскрывают работы, которые обнаруживают и характеризуют произведения, созданные под непосредственным влиянием «Заблудившегося трамвая» или со значимыми отсылками к нему. К таким текстам с различной степенью обоснованности относят: «Поэму без героя» [11. Т. 10. С. 80; 20. С. 76], «Путем всея земли» А.А. Ахматовой [11. Т. 10. С. 79; 20. С. 70]; «Царскосельскую оду» А.А. Ахматовой [11. Т. 10. С. 81]; «Ночную прогулку» А.В. Еременко [21. С. 108]; «Доктора Живаго» Б.Л. Пастернака [22. С. 75-76]; «Желтую стрелу» В.О. Пелевина [23. С. 52]; «Свернул трамвай на улицу Титова...» и «Если в прошлое, лучше трамваем...» Б.Б. Рыжего [21. С. 111]. О.А. Дашевская утверждает, что мысль Н. Гумилева: «...наша свобода / Только оттуда бьющий свет» – является ключевой у Д.Л. Андреева [24. С. 59].

При этом в ряде случаев констатации влияния «Заблудившегося трамвая» на тексты современников сопровождаются стремлением ~~детально~~ включить факт этого влияния в литературный процесс. Например, С.Л. Слободнюк оспаривает выводы Л. Аллена о том, что полемическое осмысление гоголевской тройки в финале «Доктора Живаго» показывает влияние «Заблудившегося трамвая» на роман. Но вслед за этим исследователь концентрируется именно на этом влиянии, фиксирует ряд аналогий между стихотворением и романом и приходит к выводу, что антитетичность «Заблудившегося трамвая» и «Доктора Живаго» предопределяется тем, что Б.Л. Пастернак интуитивно проецирует на судьбу Живаго противопоставление Гумилева и Блока с явным предпочтением второго [22. С. 70].

Отметим, что если фактом влияния «Заблудившегося трамвая» на позднейшие тексты считать, как это часто делают исследователи, простое упоминание трамвая, то прямыми последователями «Заблудившегося трамвая» придется объявить «12 стульев» И. Ильфа и Е. Петрова, «Вот какой рассеянный» С.Я. Маршака, «Тараканище» К.И. Чуковского и еще множество текстов, где присутствуют трамваи. Подобные сближения для некоторых исследователей обычны, например О.И. Федотов пишет о троллейбусе из комедии «Берегись автомобиля» как о проекции «Заблудившегося трамвая» [7. С. 49]. Авторам парадоксальных сближений все же необходимо помнить: трамваи в России существовали до, после и вне зависимости от «Заблудившегося трамвая».

Таким образом, «Заблудившийся трамвай» оказал реальное влияние на литературный процесс, поскольку стихотворение является текстом мисти-

ческим, символическим, сюрреалистическим, сновидческим со сложным взаимодействием различных повествовательных планов. В принципе все эти характеристики не отрицают друг друга.

Текст как компонент творчества поэта. В данном случае интерпретации осуществляются в границах поэтического мира Н.С. Гумилева, базируются на общих особенностях поэтики или аналоговых текстах. Они предполагают выявление единства поэтического мира автора в многообразии его семантически единых реализаций. Подобные указания имеют различную степень обобщения: обнаруживают проекции на творчество в целом или на конкретные тексты.

Общие характеристики включают указание на так или иначе понимаемые темы, мотивы, характерные ситуации, представленные в творчестве. Е.Г. Раздьяконова говорит о ситуации потерянности героя во времени [25. Т. 1. С. 198]. С.Л. Слободнюк [22. С. 75] акцентирует внимание на том, что в произведениях Гумилева поэт нередко принимает мученическую смерть. Е.Ю. Куликова настаивает на том, что для поэта частотен мотив блуждания через пространство и время, коридоры, по которым осуществляется это блуждание, и оно само представлено во многих текстах [13. С. 135].

В качестве непосредственно связанных с «Заблудившимся трамваем» текстов Гумилева называют следующие: «Абиссиния» [3. Т. 4. С. 298; 26. С. 33], «Андрей Рублев» [9. С. 184], «Африканская охота» [4. С. 44], «Баллада» [17. Т. 4. С. 372], «Беатриче» [4. С. 46], «Блудный сын» [13. С. 133], «Венеция» [13. С. 136], «Вечное» [27. С. 68], «Возвращение» [27. С. 68], «Волшебная скрипка» [3. Т. 4. С. 298; 9. С. 178; 14. С. 149], «Гондла» [3. Т. 4. С. 298; 9. С. 178; 14. С. 149], «Дева света» [10. С. 28], «Египет» [26. С. 33], «К синей звезде» [9. С. 184], «Маскарад» [13. С. 135; 14. С. 148], «Отравленный» [4. С. 49], «Память» [25. Т. 1. С. 198; 4. С. 40; 9. С. 186; 27. С. 68; 14. С. 148], «Пантум» [28. С. 49], «Прапамять» [4. С. 45; 14. С. 148], «Разговор» [3. Т. 4. С. 298; 9. С. 178], 14. С. 149], «Родос» [10. Т. 60. С. 28], «Рощи пальм и заросли алоэ...» [3. Т. 4. С. 298; 9. С. 178; 14. С. 149], «Северный раджа» [3. Т. 4. С. 298; 9. С. 178; 29. С. 211; 14. С. 149], «Слово» [4. С. 51], «Сонет» [14. С. 148], «Старый конквистадор» [13. С. 133], «Стокгольм» [29. С. 215; 13. С. 130; 4. С. 52; 18. С. 49; 14. С. 152], «У цыган» [1. С. 164], «Тот другой» [27. С. 68], «Ужас» [13. С. 135], «Фра Беато Анжелико» [4. С. 53], «Швеция» [29. С. 213], «Шестое чувство» [30. С. 251].

Как правило, основой констатации единства является тематическая близость, но в качестве базы могут выступать и иные характеристики текстов. Например, единство между «Заблудившимся трамваем» и «Стокгольмом» различные исследователи видят в восприятии времени как дискретного континуума, имеющего переходы между тремя традиционно понимаемыми временами. Отметим, что такое восприятие времени представлено в кинематографе у В. Хасса, в современной физике и у Бергсона.

«Заблудившийся трамвай» концентрирует в себе многие актуальные для Н. Гумилева и развиваемые им на протяжении всей жизни темы: страннические, восточные, северные, мистические мотивы. Мистическое и

реальное странничество Н. Гумилева осуществлялось в самых различных сферах. Среди них не последнее место занимает пространство литературы.

Текст как компонент литературного процесса. В данном случае интерпретации осуществляются в границах художественной литературы, с позиции иных поэтических систем и традиций. Точками отсчета для них являются определенные стили или творчества иных писателей, с которыми обнаруживает взаимодействие автор. Они предполагают установление единства литературного процесса и языкового пространства и исходят из мысли о том, что всё в нем связано.

«Заблудившийся трамвай» на различных основаниях связывают с множеством текстов мировой литературы, с творчеством писателей различных эпох и культур, с всевозможными литературными направлениями и стилями.

К числу текстов, содержательную и структурную связь с которыми обнаруживает «Заблудившийся трамвай», относят: «Туфельку Нелидовой» С.А. Ауслендера [31. С. 227]; «Умирая, томлюсь о бессмертье...» А.А. Ахматовой [11. Т. 10. С. 81]; «Интеллигенция и революция» А.А. Блока [12. С. 101]; «На смерть Комиссаржевской» А.А. Блока [10. Т. 60. С. 25]; «Предвечернею порою...» А.А. Блока [4. С. 51]; «Стихи о прекрасной даме» А.А. Блока [9. С. 186]; «Я Гамлет» А.А. Блока [10. Т. 60. С. 25]; «Карлик Нос» В. Гауфа [29. С. 216; 14. С. 151]; «Ночь перед рождеством», «Сорочинская ярмарка» Н.В. Гоголя [12. С. 102]; «Мертвые души» Н.В. Гоголя [16. С. 114; 5. С. 20]; «Божественную комедию» Данте [9. С. 186; 4. С. 41; 14. С. 150; 7. С. 45]; стихотворения Г.Р. Державина, обращенные к Е.Я. Державиной-Бастидон, [9. С. 189; 14. С. 149]; «Старый отшельник» Л. Дьеркса [13. С. 136]; «Эоловую арфу» В.А. Жуковского [17. Т. 4. С. 374]; «Мне сказали, что ты умерла...» Н.А. Клюева [11. Т. 10. С. 81]; «Пьяный корабль» А. Рембо [13. С. 137]; «Солнце и плоть» А. Рембо [13. С. 137]; «Три свидания» В.С. Соловьева [9. С. 186]; «Зверинец» В. Хлебникова [14. С. 150]; «Змей поезда» В. Хлебникова [7. С. 49]; «Записки из подполья» Ф.М. Достоевского [16. С. 120], «Гаргантюа и Пантагрюэль» Ф. Рабле [4. С. 43].

К числу авторов, с которыми, так или иначе (прямо или опосредованно), связан «Заблудившийся трамвай», приписывают: С. Ауслендера, А.А. Ахматову, А.А. Блока, В. Гауфа, Н.В. Гоголя, А. Данте, Г.Р. Державина, Л. Дьеркса, В.А. Жуковского, Н. Клюева, Ф. Рабле; А. Рембо, В.С. Соловьева, В. Хлебникова, Ф.М. Достоевского. Как и во многих других случаях, в этом очень востребованной оказывается пушкинистика. На связь с текстами А.С. Пушкина, главным образом «Капитанской дочкой» и «Медным всадником», обращают внимание Л. Аллен [16. С. 119]; Р.Д. Тименчик [32. С. 139–140] В.С. Малых [27. С. 65], И.В. Одовецова [6. С. 384], П.Е. Спиваковский [4. С. 49]; О.И. Федотов [7. С. 50], Д.М. Магомедова [31. С. 226], А.Б. Перзекке [8. С. 51], Е.В. Федулова и Е.В. Сомова [14. С. 149–150]. Р.С. Давиденко предлагает каждый микросюжет «Заблудившегося трамвая» толковать одновременно и через пушкинскую, и через гоголевскую систему координат [12. С. 101].

В качестве оснований связи называются самые различные характеристики текста, такие как сюжет, поэтика, специфика конкретных образов, характеристики лирического героя, художественные символы, отдельные слова и словосочетания, темы и др.

Например, Л. Аллен выделяет связь с гоголевской тройкой и усматривает пародийные элементы в интерпретации этого образа Гумилевым [16. С. 114]. Е.Ю. Куликова акцентирует внимание на влиянии на Н. Гумилева сюрреалистической поэтики А. Рембо, в первую очередь представленной в «Пьяном корабле» [13. С. 130]. Это утверждение получает массу конкретизаций, связанных с тем, что сюжет о заблудившемся герое в своем подтексте имеет легенды об исчезновении [13. С. 130]. «Зоологический сад планет», вплотную приближенная к Петербургу астрологическая карта неба, напоминает «стада миров» из третьей части поэмы А. Рембо «Солнце и плоть» [13. С. 137], а образ трамвая-корабля, который потерял управление, обнаруживает аналогии со стихотворением Л. Дьеркса «Старый отшельник» [13. С. 136].

Текст как реализация внешних событий – отражение, воплощение, фиксация жизни поэта и культуры разного уровня конкретики и обобщения. В данных случаях в качестве отправных точек содержания и структуры повествования выступают реальные, реконструируемые или вымышленные события биографии и истории, на базе воплощения которых в тексте формулируются обобщения. Традиционно именно такие интерпретации вызывают наибольший интерес, что объясняет наличие обширной литературы, посвященной тому, как «Заблудившийся трамвай» соотносится с реальностью и что за этим соотношением скрывается. Основными образами в тексте являются: трамвай, Машенька, вагоновожатый, палач, мертвые головы, летящий всадник.

Трамвай практически всегда воспринимается как сложно организованный объект, который перемещается одновременно в пространстве и во времени и подчиняет свое движение различным нетривиальным законам. Р.Д. Тименчик, рассматривая образ трамвая в поэзии начала XX в., выявил тенденцию к его анимизации [32. С. 135], причем «Заблудившийся трамвай» Н.С. Гумилева сыграл в ней определяющую роль [32. С. 141]. Но это не уменьшает количества попыток обнаружить прямые соответствия самому трамваю и его маршруту среди реальных объектов. С лодкой, кораблем, судном, Летучим голландцем земной суши трамвай сближают Л. Аллен [16. С. 123] и Е.Ю. Куликова [13. С. 130]. П. Спиваковский именует трамвай «внехронотопической ловушкой» и мистической клеткой [4. С. 51]. Л. Аллен считает, что упоминание «ящика скользкого» отсылает к «французской гильотине во время революционного террора» [16. С. 128]. Предельное воплощение метафоры смерти, фатума, апокалиптического коня, летучего голландца, лодку Харона видит в трамвае П. Золина [33. С. 43], а Р.М. Сафиулина – аллегорический концепт человечества в технологической трактовке [15. Т. 7. С. 391]. О.И. Федотов называет трамвай машиной времени, символом апокалипсиса XX в. [7. С. 50], Н.Ю. Зябликова и Н.В. Новикова – символом вихревого потока времени [18. С. 48].

Движение трамвая в стихотворении интерпретируется различными способами. Тип восприятия образа «трамвая» прямо связан с характеристиками пространства его перемещения. Оно воспринимается как реальное пространство, суша-вода, время, время-пространство, пространство памяти, пограничная среда между миром живых и мертвых. Различные комбинации этих основных типов понимания хронотопа воплощаются в конкретных оценках сути перемещения.

Пространственные топонимические соответствия между движением в тексте и реальным Петербургом выявляет А.Б. Перзек [8. С. 51]. Ю.Л. Кроль обнаруживает значимые для жизни Гумилева локусы и утверждает, что путешествие осуществляется по биографическому времени [29. С. 208]. К.Э. Слабких центральным топосом считает Царское Село [20. С. 77], С.В. Бурдина уточняет, что «дом в три окна» – это описание дома Ахматовой в Царском Селе [11. Т. 10. С. 81]. О.А. Никонов, и Д.А. Макеев утверждают, что заблудившийся трамвай «застрял на берегах Невы» [34. С. 563]. Ю.В. Зобнин считает, что путешествие осуществляется по загробному миру в его понимании Данте [9. С. 185]. Р.М. Сафиулина извилистый путь трамвая воспринимает как жизненный путь человечества, а входящих и выходящих пассажиров – как символическое обозначение смены поколений [15. Т. 7. С. 391]. О.И. Федотов воспринимает движение героя в метафизическом времени и пространстве, где стерта грань между жизнью и смертью [7. С. 50].

В тексте стремятся видеть антитезу, наполняя ее компоненты различной семантикой. Антитезу «эзотерических красотей» и мира православия России воспринимает в качестве основы текста П.Е. Спиваковский [4. С. 46]. По его мнению, путь трамвая отражает не пространственные, а духовные блуждания поэта, является ретроспективным путешествием в себя, способом познания себя [4. С. 53]. Трамвай заблудился в исторических судьбах и собственной истории поэта, считает А. Ранне [35. С. 198].

С.В. Бурдина рассматривает окно как символ черты, рубежа, границы между жизнью и смертью, знак перехода в иное измерение, признак трансцендентального и реального пространства [11. Т. 10. С. 81].

Вагоновожатый – мистическая сущность, в определении природы которой у исследователей нет единства. В.С. Малых считает, что это таинственный посланник, который является проекцией пушкинского юноши с книгой, готовящего лирического героя к суду [27. С. 68]. О.И. Федотов уверен, что за образом скрывается «восставший против небесных сил Демон» [7. С. 50], а А.А. Ильясова – судьба [17. Т. 4. С. 374].

«Всадника длань в железной перчатке» традиционно воспринимается как отсылка к памятнику Петру I и/или образу этого памятника в «Медном всаднике» А.С. Пушкина и «К Медному всаднику» В.Я. Брюсова. Но есть исследователи, которые разделяют мнение А.А. Ахматовой о том, что это фиксация образа смерти. П.Е. Спиваковский и А.Б. Перзек в Всаднике видят саму идею монархии и ее мистическое воплощение [4. С. 49; 8. С. 52], в котором ожившая статуя воплощает угрозу и преследование человека властью [8. С. 51].

«Мертвые головы» наделяются исследователями широким спектром характеристик и воспринимаются как проекции самых различных мифологических, литературных и исторических событий. Они входят в контекст фольклорных, литературных, религиозных и мифопоэтических представлений, отождествляющих круглые предметы и головы людей. Они связаны с реальными событиями гражданской войны в преломлении расправы с пугачевским восстанием [16. С. 125]. Они фиксируют мир во власти смерти [11. Т. 10. С. 82], а также демонический и вместе с тем будничным характер массовых репрессий, когда человеческая жизнь и смерть становятся предметом купли-продажи [36. С. 76]. Они перекочевали в текст из сказки Гауфа «Карлик Нос» [14. С. 151]. Они являются проекцией средневековой нидерландской легенды (и картин на ее сюжет) о городе Еекло, где человек мог получить новую голову [14. С. 151]. Они прямо отражают реалии Великой французской революции [4. С. 43; 35. С. 198]. Картину абсурдного иррационального послереволюционного мира во власти смерти видит здесь С.В. Бурдина [11. Т. 10. С. 83], а М.А. Шестакова – экспрессионистические алогичные образы [2. С. 144]. Л.Л. Бельская с жуткой фантазмагорической картиной в зеленой лавке связывает понимание Гумилевым ада [5. С. 21–22].

Как пророчество собственной скорой насильственной смерти «мертвые головы» воспринимают Е.В. Меркель [36. С. 76], П.Е. Спиваковский [4. С. 44], Е.В. Федулова и Е.В. Сомова [14. С. 151], А.Б. Перзекке [8. С. 52], Л.Л. Бельская [5. С. 22] и др. Кроме того, Н.С. Гумилев трезво осознает ту силу, которая его убьет [37. С. 242].

Палач с мертвыми головами находится в отношениях взаимного отражения, они совместно транслируют единые смыслы, усиливая их [2. С. 144]. При этом его наделяют и дополнительными характеристиками, считают проекцией палача из «Капитанской дочки», приравнивают «некой роковой силе, карающей человека извечно, во все времена» [7. С. 51].

Строчка «только оттуда бьющий свет», по мнению Р.Д. Тименчика, свидетельствует о новом понимании Гумилевым пространства свободы и переоценке им ценности неба [32. С. 140]. Е.Г. Раздьяконова фиксирует представление поэта о божественном сверхбытии как возможности разрешения личностных и онтологических конфликтов [25. Т. 1. С. 199]. Эта идея в различных огласовках повторяется чаще всего: трансцендентальная символика инобытия [11. Т. 10. С. 82] и подобное. Ю.В. Зобнин считает, что свет – Образ Божий пришел в «Заблудившийся трамвай» из религиозной философии Фомы Аквинского [9. С. 185]. Д.М. Магомедова видит источник строк в новелле С. Ауслендера [31. С. 227].

«Зоологический сад планет», как полагает Р.Д. Тименчик, это звезды, символизирующие в стихотворении небо, к которому тянутся живые люди и души усопших (зодиакальный bestiарий) [32. С. 140], а вход в сад является входом в загробную жизнь. Е.В. Федулова и Е.В. Сомова предлагают для объяснений смысла словосочетания биографические обстоятельства посещения Н.С. Гумилевым парижского Ботанического сада, где кроме растений находились и животные, а также его увлечение астрономией [14.

С. 148]. Они также соотносят его с образом рая из поэмы В. Хлебникова «Зверинец», который населен разными животными [14. С. 150]. Ю.В. Зобнин отождествляет «зоологический сад планет» с «домом в три оконца» [9. С. 184].

«Машенька в то первое утро называлась Катенькой. Катенька превратилась в Машеньку только через несколько дней, в честь “Капитанской дочки” из любви к Пушкину», – категорично заявляет И.В. Одоевцева [6. С. 384]. Двойственность Машеньки / Катеньки стала отправной точкой для поиска различных литературных, реальных и религиозных прототипов.

Среди персонажей упоминаются: Маша Миронова из «Капитанской дочки» [16. С. 128; 11. Т. С. 81]; Машенька Минаева из новеллы С. Ауслендера «Туфелька Нелидовой» [31. С. 227]; Беатриче [16. С. 141; 9. С. 183; 4. С. 46; 14. С. 151]. Реальные лица: рано умершая двоюродная сестра поэта М.А. Кузьмина-Караваева [9. С. 187; 11. Т. 10. С. 81]; первая жена Державина Е.Я. Державина-Бастидон [9. С. 190; 14. С. 149]; А. Ахматова [29. С. 211; 4. С. 48; 11. Т. 10. С. 81; 35. С. 199]. Воплощение Пресвятой Девы видит в Машеньке Ю. Зобнин [9. С. 184], ему вторят Е.В. Федулова и Е.В. Сомова [14. С. 151].

Ряд исследователей склонны трактовать образ как «многослойный». Так, О.И. Федотов, повторяя большую часть приведенных вариантов, добавляет к ним «явных и тайных возлюбленных Гумилева» [7. С. 50]. Подчеркивая, что искать единственный прототип «не представляется грамотным научным подходом», А.А. Жукова, следуя за идеей Ю.В. Зобнина, предлагает отнести Машеньку к категории возвышенного и неземного образа-Идеала и добавляет в число прототипов Офелию в ее интерпретации А.А. Блоком [10. Т. 60. С. 27].

Вне зависимости от прототипа появившийся на его базе образ наделяют характером максимального обобщения. Видят в нем «подлинный символ России» [16. С. 141; 31. С. 227], представительницу идиллического эдемского пространства [38. Т. 22. С. 23], символ софийной любви [8. С. 51], символ вечной женственности [10. С. 28; 12. С. 102].

«Индия духа» видится исследователям в качестве духовной реальности и духовной реализации [4. С. 45], что, собственно, без труда читается в несогласованном определении. Н.А. Даренская, отмечая, что в образе можно увидеть одновременно мечту о новой духовной цивилизации, высшую ступень развития человеческого сознания, символ некой благодатной земли, призывает ключи для понимания искать в стихотворении «Пантум», которое содержит концепцию синтеза христианства и буддизма [28. С. 49]. Связь номинации с традицией немецких романтиков и словами Г. Гейне отмечают многие: С.В. Бурдина [11. Т. 10. С. 82]; Н.Ю. Зябликова и Н.В. Новикова [18. С. 49], Е.В. Федулова и Е.В. Сомова [14. С. 151]. Ю.В. Зобнин склонен к прочтению «Индии духа» как идеала совершенной красоты искусства [9. С. 178–179]. Ю.Л. Кроль видит исток номинации в поэме «Северный раджа» [29. С. 211–212]. В качестве аналога номинации С.В. Бурдина упоминает «Избяную Индию» Н. Клюева [11. Т. 10. С. 82], но

при этом она упускает из виду его же стихотворение «Белая Индия» (1916), которое по семантике тождественно «Заблудившемуся трамваю» или транслирует сходные смыслы через иной ряд образов. Не следует исключать возможность связи упоминания «Индии духа» с поиском бессмертия в виде реинкарнаций – мотив, уже являвшийся в образе «простого индийца, задремавшего у ручья».

Интерпретации конкретных образов служат базой для выводов общего характера. Их сложно привести в единую систему. С одной стороны, все они связаны общей семантикой духовных поисков, осуществляемых лирическим героем в рамках одного или нескольких существований (воплощений). С другой стороны, говорить о каком-либо едином векторе этих поисков не представляется возможным, поэтому приходится ограничиться перечислением.

Л.Л. Бельская считает, что в «Заблудившемся трамвае» разворачивается биографическое и историческое время [5. С. 21]. Другие исследователи добавляют, что при этом реализуется целостная модель человеческой жизни, сосуществование в душе человека разных времен и пространств [26. С. 34; 37. С. 242], происходит нравственное осмысление культурной памяти [38. Т. 22. С. 22]. «Лирический герой Гумилева ищет свои истоки в разных культурных эпохах <...> и находит их случайно и “условно” в “Индии Духа”», – утверждает О.А. Дашевская [24. С. 54]. В.С. Малых воспринимает стихотворение как совокупность «колоссальных по своей значимости и духовной энергии мистических прорывов в трансцендентные сферы бытия духа» [27. С. 65]. А.Г. Бичевин воспринимает текст как восхождение от незнания к знанию [19. С. 31]. Аллегорией путешествия в загробный мир называет текст О.А. Поручик [23. С. 54]. Экзистенциальную и антологическую составляющую трамвайного путешествия, где трамвай связывает мир мертвых и живых, акцентирует Р.Н. Скалон [39. С. 140]. «Заблудившийся трамвай» реализует противопоставление мертвого пространства настоящего (Петербурга) и идеального пространства духовного прошлого («Индии духа») [11. Т. 10. С. 83], а земной и вселенский миры противостоят человечности [30. С. 251]. Интересна также точка зрения Д.В. Соколовой, в соответствии с которой лирическое «я» в «Заблудившемся трамвае» изображается то живым, то мертвым. В первых строках стихотворения перед нами уже мертвый герой (поэтому ему окружение «незнакомо»), а оживая, он приобретает точные географические знания. В промежутке между воплощениями он загадочным образом садится в трамвай, который уносит его не в будущее, а вниз по спирали времени в предыдущее существование [40. С. 66]. «Для Гумилева Египет стал символом всего Востока. В его стихотворении «Заблудившийся трамвай» мелькают многие увиденные им картины: роща пальм, Нева, Нил и Сена, нищий старик из Бейрута» [34. С. 560–561].

Помимо этих рассуждений есть ряд попыток вписать текст в уже существующие парадигмы представлений о мире, видеть в нем прямую реализацию картины мира, характерной для той или иной мировоззренческой концепции. На связь типа фиксации реальности в «Заблудившемся трамвае» с бергсонским представлением о времени первым обратил внима-

ние Н.А. Оцуп [1. С. 161]. Е.Ю. Куликова видит в тексте реализацию феномена «бездна времен», отрицающего любую последовательность и хронологию во взаимодействии событий, смешение всех времен в ретроспективном самоанализе [13. С. 137]. Л. Аллен считает, что в качестве основы текста использован эффект парамнезии – обманчивая локализация во времени и в пространстве, сопряженная с эффектом иллюзии уже пережитого [16. С. 128]. П.Е. Спиваковский доказывает, что «сама идея путешествия во времени и пространстве наваяна Гумилеву немым кинематографом» [4. С. 50]. Лирический герой транслирует стереотипы, представленные в мифах о Сизифе и Прометее, считает А.А. Жукова [10. Т. 60. С. 26]. Сквозь призму буддийских представлений прочитывают «Заблудившийся трамвай» многие исследователи. Они видят в тексте последовательное отражение учения о сансаре как о непрерывной череде рождения, смерти и нового рождения [14. С. 152]; как о трагедии продолжения жизни, в которой невозможно ничего изменить [22. С. 74], как о перевоплощении, пройдя через которые, душа достигает освобождения [28. С. 48]. Связь «Заблудившегося трамвая» с масонством обнаруживает А.А. Шунейко, который воспринимает событийный каркас текста как отражение обряда инициации [41. С. 38].

Следовательно, наиболее обсуждаемой темой оказался тип координации лирического героя со временем и пространством. При этом сам лирический герой воспринимается в самых разных ипостасях: как мертвый, живой, воскресающий, умирающий, перерождающийся. А время и пространство при этом видятся как реальные, ирреальные и разворачивающиеся в различных направлениях. В общих интерпретациях представлены различные варианты взаимодействия этих объектов. Все возможные типы соотношения еще не исчерпаны.

Заглавие «Заблудившийся трамвай» содержит легко читаемый оксюморон [39.С. 140]: если заблудившийся, то не трамвай, если трамвай, то заблудиться не может. Этот оксюморон задает поэтику текста и предполагает более радикальные выводы. Можно предположить, что хаос «заблудившегося пространства и времени» воплотился в клубящемся хаосе интерпретаций текста, которые действительно кружатся вокруг этой точки, а во вселенной Гумилёва его собственное движение включается в таинственное коловращение мира.

Литература

1. Оцуп Н.А. Николай Гумилев. Жизнь и творчество СПб. : Logos, 1995. 198 с.
2. Шестакова М.А. Экспрессионистическое начало в лирике О.Э. Мандельштама и Н.С. Гумилева // Уральский филологический вестник. 2016. № 3. С. 139–146.
3. Баскер М., Вахитова Т.М., Зобнин Ю.В., Михайлов А.И., Прокофьев В.А., Филиппов Г.В. Примечания к текстам // Гумилев Н.С. Полн. собр. соч. : в 10 т. Т. 4: Стихотворения. Поэмы (1918–1921). М. : Воскресенье, 2001. 394 с.
4. Спиваковский П.Е. «Индия Духа» и Машенька: «Заблудившийся трамвай» Н.С. Гумилева как символистско-акмеистическое видение // Вопросы литературы. 1997. № 5. С. 39–54.
5. Бельская Л.Л. Как «заблудившийся трамвай» превратился в «трамвай-убийцу» // Русская речь. 1998. № 2. С. 20–30.
6. Одовецова И.В. На берегах Невы. СПб. : Азбука-классика, 2008. 448 с.

7. Федотов О.И. В поисках утраченного времени (стихovedческий комментарий к стихотворениям Н. Гумилева, предусмотренным школьной программой) // Филологический класс. 2015. № 1 (39). С. 43–52.
8. Перзекс А.Б. Поэма Н. Гумилева «Заблудившийся трамвай» в свете интертекстуальных связей с поэмой А.С. Пушкина «Медный всадник» // Наукові записки Харківського національного педагогічного університету ім. Г. С. Сковороди. Сер.: Літературознавство. 2009. № 4 (1). С. 50–56.
9. Зобнин Ю.В. «Заблудившийся трамвай» Н.С. Гумилева: (К вопросу о дешифровке текста) // Русская литература. 1993. № 4. С. 176–192.
10. Жукова А.А. Образ вечной женственности в поздней лирике Н.С. Гумилева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. Т. 60, № 3. С. 24–29.
11. Бурдина С.В. Гумилевские подтексты в поэмах А. Ахматовой // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10, № 1. С. 79–87.
12. Давиденко Р.С. Контекстуальные параллели книги Н.С. Гумилева «Огненный столп» // Вестник МГОУ. Серия: Русская филология. 2015. № 4. С. 100–108.
13. Куликова Е.Ю. «Я заблудился навеки...»: «сюрреализм» Н. Гумилева и А. Рембо // Сибирский филологический журнал. 2015. № 3. С. 130–139.
14. Федулова Е.В., Сомова Е.В. Литературные пути «Заблудившегося трамвая» // Актуальные вопросы современной филологии: теория, практика, перспективы развития : материалы международной научно-практической конференции молодых ученых. Краснодар, 2016. С. 147–153.
15. Сафиулина Р.М. Евримен Н.С. Гумилева в сборнике «Огненный столп» // Российский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7, № 5. С. 386–395.
16. Аллен Л. Этюды о русской литературе. Л. : Худож. лит., 1989. 156 с.
17. Ильясова А.А. «Баллада» («Пять коней подарил мне мой друг Люцифер...») и «Заблудившийся трамвай» Н. Гумилева: жанровый динамизм // Мова і культура. 2013. Т. 4, № 16. С. 371–377.
18. Зябликова Н.Ю., Новикова Н.В. Время реальное и перцептуальное в поэтической картине мира (по произведению Н.С. Гумилева (Заблудившийся трамвай)) // Вестник ТГУ, Гуманитарные науки. 2001. № 4 (24). С. 46–51.
19. Бичевин А.Г. Субъектная реализация темы познания в сборнике Н.С. Гумилева «Огненный столп» // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 391. С. 29–33.
20. Слабких К.Э. Литературоведение 2000-х годов о творческом диалоге Ахматовой и Гумилева // Филологические науки. 2010. № 2. С. 70–79.
21. Сажина У.В. Образ трамвая в русской поэзии XX века // Актуальные вопросы филологической науки XXI века: сборник статей VII Международной научной конференции молодых ученых. Екатеринбург, 2018. С. 107–113.
22. Слободнюк С.Л. Птица тройка, два трамвая и смерть Доктора Живаго (опыт сопоставительного анализа) // Искусство слова. 2018. № 3 (5). С. 67–76.
23. Порутчик О.А. Мир как иллюзия в произведениях Виктора Пелевина // Вестник РУДН. Литературоведение. Журналистика. 2008. № 1. С. 51–55.
24. Дашевская О.А. Окультная традиция Н. Гумилева в творчестве Д. Андреева (к постановке проблемы) // Культура и текст. 2005. № 10. С. 52–62.
25. Раздьяконова Е.Г. Хронотопические особенности лирики Н. Гумилева сквозь призму конфликта // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. 2015. Т. 1, № 1 (23). С. 193–199.
26. Верховоломова Е.В. Время в поэзии Николая Гумилева // Русская речь. 2009. № 1. С. 29–34.
27. Малых В.С. Пушкинская традиция в творчестве Н.С. Гумилева // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2012. № 1. С. 63–69.
28. Даренская Н.А. Индия в творчестве Н.С. Гумилева // XV Международные научные чтения : сборник статей Международной научно-практической конференции. М., 2017. С. 43–51.

29. Кроть Ю.Л. Об одном необычном трамвайном маршруте: («Заблудившийся трамвай») Н.С. Гумилева // Русская литература. 1990. № 1. С. 208–218.
30. Эйдинова В.В., Сакс Т.С. Пространственно-временной мир лирики Н. Гумилева и его жанровое воплощение («Костер», «Огненный столп») // Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: материалы международной научной конференции. Екатеринбург, 2007. № 2. С. 248–255.
31. Магомедова Д.М. Об одной пушкинской аллюзии в «Заблудившемся трамвае» Н.С. Гумилева // Новый филологический вестник. 2007. № 2 (5). С. 225–228.
32. Тименчик Р.Д. К символике трамвая в русской поэзии // Семиотика. Труды по знаковым системам. Символ в системе культуры. Тарту, 1987. С. 135–143.
33. Золина П. Трамвай как метафора нового времени в контексте русской литературы начала XX века // *Nová rusistika*. 2013. № 2. С. 41–48.
34. Никонов О.А., Макеев Д.А. Образ Египта в творчестве и судьбе Николая Гумилева // Запад и Восток: история и перспективы развития: сборник статей 30-й юбилейной международной научно-практической конференции. Рязань, 2019. С. 555–565.
35. Ранне А. Метаморфозы национальной идеи России // Богословие и культура : труды кафедры богословия. 2019. № 2 (4). С. 192–202.
36. Меркель Е.В. Семантика крови в поэтике акмеизма // Вестник ТвГУ. Сер.: Филология. 2013. № 1. С. 74–80.
37. Корчилова С.Л. Из истории русской поэзии Серебряного века // Горный информационно-аналитический бюллетень. 1999. № 1. С. 238–244.
38. Завельская Д.А. Мотив культурной памяти и идиллический дискурс у Бунина, Гумилева и Ивана Савина // Вестник РУДН. Сер.: Литературоведение. Журналистика. 2017. Т. 22, № 1. С. 17–27.
39. Скалон Н.Р. Путешествие по старому маршруту (трамвай в русской поэзии 20–30-х гг. XX в. Филологический дискурс: Филологические прогулки по городу // Вестник филологического факультета ТюмГУ. 2001. № 2. С. 137–144.
40. Соколова Д.В. Лирический герой Н.С. Гумилева: воин, путешественник, маг или эстет? // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2011. № 3. С. 63–69.
41. Шунейко А.А. Репрезентация масонской символики в языке русской художественной литературы XVIII – начала XXI веков : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Владивосток, 2007. 51 с.

One Hundred Years of Nikolay Gumilyov's "The Lost Tram" in the Reflection of Russian Analytics

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 71. 294–309. DOI: 10.17223/19986645/71/18

Alexander A. Shuneyko, Olga V. Chibisova, Komsomolsk-na-Amure State University (Komsomolsk-on-Amur, Russian Federation). E-mail: a-shuneyko@yandex.ru / olgachibisova@yandex.ru

Keywords: Nikolay Gumilev, poetry, "The Lost Tram", review, academic literature.

The article deals with the problem of a literary text's existence in the culture space and the variety of its interpretations generated by the characteristics of the text as an aesthetic whole embodying the meanings of various types and eras. The aim of the article is to analyze all the ways of reading Nikolay Gumilyov's poem "The Lost Tram" proposed by domestic and foreign researchers for the hundred years of its presence in Russian and world literature. The study was carried out on the basis of forty sources: research articles, critical notes and memoirs of contemporaries. These texts were published at different times; they are partially combined, partially autonomous and, in their totality, represent the prevailing direction of philological thought, which does not lose its relevance and needs a generalized comprehension. The main research problem was the classification of the material, which was investigated

using methods of semantic and thematic analyses. The latter suggest that, within each text, keywords related to the poem and methods for their semantic filling are identified. The study includes several stages: (1) collection of texts for analysis; (2) identification of specific objects in the texts (nominations, images, key motifs, linguistic traits, intertextual connections of the poem) and methods of their interpretation (types of reading, evaluation and conclusions made on their basis); (3) classification and combination of objects and their interpretations from various texts; (4) designing of a general model of text perception. As a result of the work done, it has been revealed that all ways of perceiving the poem can be divided into four types: the text as a self-sufficient object, as a component of the poet's creativity, as a component of the literary process, and as a component of the cultural process in the broad sense of the word. The listed types have inventories of specific art forms. In the first case, textual characteristics are proved to be important from the standpoint of a general stylistic assessment, in particular, its understanding as a mystical and symbolic-Acmeistic synthesis. In the second and third cases, the intertextual connections of the poem inside and outside the poet's works are exposed. The interaction was found with 33 Gumilyov's texts and 16 texts of different domestic and foreign writers. In the fourth case, the key characters and symbols of the poem are described: "tram", "Mashenka", "carriage driver", "executioner", "heads of the dead", "flying horseman", "India of the Soul", "zoological garden of planets". The numerous versions of these images vary broadly from analogies with the real facts of the poet's life to his broadcasts of a spectrum of esoteric ideas. At present, no consensus has been reached on any of the interpretations; their number remains open.

References

1. Otsup, N.A. (1995) *Nikolay Gumilev. Zhizn' i tvorchestvo* [Nikolay Gumilyov. Life and work]. Saint Petersburg: Logos.
2. Shestakova, M.A. (2016) Expressionistic origin of O.E. Mandelstam and N.S. Gumilyov lyrics. *Ural'skiy filologicheskii vestnik. Seriya: Russkaya literatura XX-XXI vekov: napravleniya i tekheniya – Ural Philological Herald. Series Russian Literature of XX-XXI Centures: Directions and Trends*. 3. pp. 139–146. (In Russian).
3. Basker, M. et al. (2001) Primechaniya k tekstam [Notes to the Texts]. In: Gumilev, N.S. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 4. Moscow: Voskresen'e.
4. Spivakovskiy, P.E. (1997) "Indiya Dukha" i Mashen'ka: "Zabludivshiy tramvay" N.S. Gumileva kak simvolistsko-akmeisticheskoe videnie ["India of the Spirit" and Mashenka: "The Lost Tram" by N.S. Gumilyov as a symbolist-acmeistic vision]. *Voprosy Literaturny*. 5. pp. 39–54.
5. Bel'skaya, L.L. (1998) Kak "zabludivshiy tramvay" prevratilsya v "tramvay-ubiysu" [How the "lost tram" turned into the "killer tram"]. *Russkaya Rech'*. 2. pp. 20–30.
6. Odoevtseva, I.V. (2008) *Na beregakh Nevy* [On the Banks of the Neva River]. Saint Petersburg: Azbuka-klassika.
7. Fedotov, O.I. (2015) In search of the lost time (versification comment to poems of N. Gumilev by school programs). *Filologicheskii klass – Philological Class*. 1 (39). pp. 43–52. (In Russian).
8. Perzeke, A.B. (2009) Poema N. Gumileva "Zabludivshiy tramvay" v svete intertekstual'nykh svyazey s poemoy A.S. Pushkina "Mednyy vsadnik" [N. Gumilyov's poem "The Lost Tram" in the light of intertextual connections with the A.S. Pushkin's poem "The Bronze Horseman"]. *Naukovi zapiski Kharkivs'kogo natsional'nogo pedagogichnogo universitetu im. G. S. Skovorodi. Ser.: Literaturoznavstvo*. 4 (1). pp. 50–56.
9. Zobnin, Yu.V. (1993) "Zabludivshiy tramvay" N.S. Gumileva: (K voprosu o deshifrovke teksta) ["The Lost Tram" by N.S. Gumilyov: (On the issue of decoding the text)]. *Russkaya literatura*. 4. pp. 176–192.
10. Zhukova, A.A. (2016) Obraz vechnoy zhenstvennosti v pozdney lirike N.S. Gumileva. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory & Practice*. 3 (60). pp. 24–29. (In Russian).

11. Burdina, S.V. (2018) Implications of Gumilev's works in poetry by A. Akhmatova. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya – Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 1 (10). pp. 79–87. (In Russian). DOI: 10.17072/2037-6681-2018-1-79-87
12. Davidenko, R.S. (2015) Literary context of the book “Pillar of Fire” by N. Gumilev. *Vestnik MGOU. Seriya: Russkaya filologiya – Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology*. 4. pp. 100–108. (In Russian). DOI: 10.18384/2310-7278-2015-4-100-108
13. Kulikova, E.Yu. (2015) “I have lost forever...”: N. Gumilev and A. Rimbaud's “Surrealism”. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 3. pp. 130–139. (In Russian).
14. Fedulova, E.V. & Somova, E.V. (2016) [Literary paths of “The Lost Tram”]. *Aktual'nye voprosy sovremennoy filologii: teoriya, praktika, perspektivy razvitiya* [Topical Issues of Modern Philology: Theory, practice, development prospects]. Proceedings of the International Conference. Krasnodar. 9 April 2016. Krasnodar: Izdatel'skiy Dom – Yug. pp. 147–153. (In Russian).
15. Safulina, R.M. (2018) Gumilyov's everyman in his poetic collection “The Pillar of Fire”. *Rossiyskiy gumanitarnyy zhurnal – Liberal Arts in Russia*. 5 (7). pp. 386–395. (In Russian). DOI: 10.15643/libartus-2018.5.5
16. Allen, L. (1989) *Etyudy o russkoy literature* [Studies on Russian Literature]. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura.
17. Il'yasova, A.A. (2013) “Ballada” (“Pyat' koney podaril mne moy drug Lyutsifer...”) i “Zabludivshiysya tramvay” N. Gumileva: zhanrovyy dinamizm [“Ballad” (“My friend Lucifer gave me five horses ...”) and “The Lost Tram” by N. Gumilyov: genre dynamism]. *Mova i kul'tura – Language & Culture*. 16 (4). pp. 371–377.
18. Zyablikova, N.Yu. & Novikova, N.B. (2001) Real and perceptual time in the poetic picture of the world (with examples from N.S. Gumilev's “The Lost Tram”). *Vestnik TGU, Gumanitarnye nauki – Tambov University Review: Series Humanities*. 4 (24). pp. 46–51. (In Russian).
19. Bichevin, A.G. (2015) Subjective realization of the theme of cognition in N. Gumilev's collection The Pillar of Fire. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 391. pp. 29–33. (In Russian).
20. Slabkikh, K.E. (2010) Literaturovedenie 2000-kh godov o tvorcheskom dialoge Akhmatovoy i Gumileva [Literary criticism of the 2000s about the creative dialogue between Akhmatova and Gumilyov]. *Filologicheskie Nauki*. 2. pp. 70–79.
21. Sazhina, U.V. (2018) [The image of tram in the Russian poetry of the 20th century]. *Aktual'nye voprosy filologicheskoy nauki XXI veka* [Actual Problems of Philological Science of the 21st Century]. Proceedings of the VII International Conference. Yekaterinburg. 9 February 2018. Yekaterinburg: Izd-vo UMTs UPI. pp. 107–113. (In Russian).
22. Slobodnyuk, S.L. (2018) The troika-bird, two trams and the death of the Doctor Zhivago (the experience of the comparative analysis). *Iskusstvo slova – Art Logos*. 3 (5). pp. 67–76. (In Russian).
23. Porutchik, O.A. (2008) The world as an illusion in the works of Victor Pelevin. *Vestnik RUDN. Ser.: Literaturovedenie. Zhurnalistika – RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*. 1. pp. 51–55. (In Russian).
24. Dashevskaya, O.A. (2005) Okkul'tnaya traditsiya N. Gumileva v tvorchestve D. Andreeva (k postanovke problemy) [Occult tradition of N. Gumilyov in the work of D. Andreev (to the problem statement)]. *Kul'tura i Tekst*. 10. pp. 52–62.
25. Razd'yakonova, E.G. (2015) Chronotopic features of N. Gumilev's poetry in the light of conflict. *XXI vek: itogi proshlogo i problemy nastoyashchego plyus – XXI Century: Resumes of the Past and Challenges of the Present Plus*. 1–1 (23). pp. 193–199. (In Russian).
26. Verkhologomova, E.V. (2009) Vremya v poezii Nikolaya Gumileva [Time in the poetry of Nikolai Gumilyov]. *Russkaya Rech'*. 1. pp. 29–34.

27. Malykh, V.S. (2012) Pushkinian Tradition in N. Gumilev's Creative Work. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki – Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts*. 1. pp. 63–69. (In Russian).

28. Darenskaya, N.A. (2017) [India in the works of N. S. Gumilyov]. *XV Mezhdunarodnye nauchnye chteniya* [15th International Scientific Readings]. Proceedings of the International Conference. Moscow. 1 October 2017. Moscow: EFIR. pp. 43–51. (In Russian).

29. Krol', Yu.L. (1990) Ob odnom neobychnom tramvaynom marshrute: ("Zabludivshisya tramvay" N.S. Gumileva) [About one unusual tram route: ("The Lost Tram" by N.S. Gumilyov)]. *Russkaya Literatura*. 1. pp. 208–218.

30. Eydinova, V.V. & Saks, T.S. (2007) [The space-time world of N. Gumilyov's lyrics and its genre embodiment ("Bonfire", "Pillar of Fire")]. *Russkaya literatura: natsional'noe razvitiye i regional'nye osobennosti* [Russian Literature: national development and regional features]. Proceedings of the International Conference. 2. Yekaterinburg. 5–7 October 2006. Yekaterinburg: Soyuz pisateley. pp. 248–255.

31. Magomedova, D.M. (2007) Ob odnoy pushkinskoy allyuzii v "Zabludivshemysya Tramvae" N.S. Gumileva [About one Pushkin allusion in "The Lost Tram" by N.S. Gumilyov]. *Novyy filologicheskyy vestnik – New Philological Bulletin*. 2 (5). pp. 225–228.

32. Timenchik, R.D. (1987) K simvolike tramvaya v russkoy poezii [On the symbolism of the tram in Russian poetry]. *Semiotika. Trudy po znakovym sistemam – Sign Systems Studies*. 21. pp. 135–143.

33. Zolina, P. (2013) Tram as a metaphor for a new time in the context of Russian Literature of the early 20th century. *Nová Rusistika*. 2. pp. 41–48. (In Russian).

34. Nikonov, O.A. & Makeev, D.A. (2019) [The image of Egypt in the creativity and the destiny of Nicolay Gumilev]. *Zapad i Vostok: istoriya i perspektivy razvitiya* [West and East: History and development prospects]. Proceedings of the 30th Anniversary International Conference. Ryazan. 18–19 April 2019. Ryazan: IP Konyakhin Aleksandr Viktorovich. pp. 555–565. (In Russian).

35. Ranne, A. (2019) Metamorphosis of the national idea of Russia. *Bogoslovie i kul'tura. Trudy kafedry bogosloviya*. 2 (4). pp. 192–202. (In Russian).

36. Merkel', E.V. (2013) The Semantics of Blood in the Poetics of Acmeism. *Vestnik TvGU. Ser.: Filologiya*. 1. pp. 74–80. (In Russian).

37. Korchikova, S.L. (1999) Iz istorii russkoy poezii Serebryanogo veka [From the history of Russian poetry of the Silver Age]. *Gornyy informatsionno-analiticheskyy byulleten' – Mining Informational and Analytical Bulletin*. 1. pp. 238–244.

38. Zavel'skaya, D.A. (2017) The motif of cultural memory and the idyllic discourse of Bunin, Gumilev and Ivan Savin. *Vestnik RUDN. Ser.: Literaturovedenie. Zhurnalistika – RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*. 1 (22). pp. 17–27. (In Russian). DOI 10.22363/2312-9220-2017-22-1-17-27

39. Skalon, N.R. (2001) Puteshestvie po staromu marshrutu (tramvay v russkoy poezii 20–30-kh gg. XX v. Filologicheskyy diskurs: Filologicheskie progulki po gorodu [Traveling along the old route (tram in Russian poetry of the 1920s – 1930s of the 20th century. Philological discourse: Philological walks around the city)]. *Vestnik filologicheskogo fakul'teta TyumGU – Vestnik TSU. Philology*. 2. pp. 137–144.

40. Sokolova, D.V. (2011) N.S. Gumilev's lyrical hero: a warrior, a traveller, a magician or an aesthete? *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9: Filologiya – Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*. 3. pp. 63–69. (In Russian).

41. Shuneyko, A.A. (2007) *Reprezentatsiya masonskoy simvoliki v yazyke russkoy khudozhestvennoy literatury XVIII – nachala XXI vekov* [Representation of Masonic symbolism in the language of Russian fiction of the 18th – early 21st centuries]. Abstract of Philology Dr. Diss. Vladivostok.